

ЧАСТНОЕ ПРАВО
JUS PRIVATUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021

С. В. Очкуренко*,
В. Г. Ротань**Понятие и виды ответственности
в гражданском праве России

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования понятия ответственности по гражданскому праву России — как оно получило отражение в действующем законодательстве Российской Федерации. Авторы исходят из того, что конструктивным является такой подход к исследованию гражданско-правовых явлений, в том числе и ответственности, при котором соответствующие явления исследуются сначала в аспекте *de lege lata*, а затем — в аспекте *de lege ferenda*. Исследование в аспекте *de lege lata* предполагает прежде всего выявление понимания законодателем содержания категории ответственности по гражданскому праву, которое (понимание) выражено в действующем гражданском законодательстве. Подчеркивается, что интерпретация ответственности в аспекте *de lege lata* может быть использована при толковании и применении действующего законодательства. Выраженное в законодательстве понимание ответственности должно преимущественно использоваться при правотолковании перед познаваемой существенно теоретически сущностью ответственности по гражданскому праву, а теоретическая сущность ответственности должна учитываться при внесении изменений и дополнений в действующее законодательство. В статье критически оценивается тенденция к нагромождению мер ответственности путем введения таких новых видов ответственности, как справедливая компенсация (ст. 65.2 ГК РФ) и компенсация ущерба (ст. 16.1 ГК РФ). Критике подвергаются попытки судебной ветви власти собственной практикой (а не через законодательный процесс) легализовать такой вид ответственности, как компенсация за причинение юридическим лицам репутационного вреда. Авторы приходят к выводу о возможности разграничения мер ответственности и других способов гражданско-правового воздействия, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации, что не исключает необходимости его дальнейшего совершенствования как в части разработки общих положений, так и применительно к регулированию отдельных мер гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; санкция; гражданское право; гражданское законодательство; убытки; вред; ущерб; возмещение; компенсация.

Для цитирования: Очкуренко С. В., Ротань В. Г. Понятие и виды ответственности в гражданском праве России // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 9–21. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021.

© Очкуренко С. В., Ротань В. Г., 2023

* Очкуренко Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового и банковского права Юридического института Севастопольского государственного университета (СевГУ)

Университетская ул., д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053
svochkurenko@mail.sevsu.ru

** Ротань Владимир Гаврилович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета (СевГУ)
Университетская ул., д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053
vgrotan@mail.sevsu.ru

The Concept and Types of Liability in Russian Civil Law

Sergey V. Ochkurenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Financial and Banking Law, Law Institute, Sevastopol State University (SevSU)
ul. Universitetskaya, d. 33, Sevastopol, Russia, 299053
svochkurenko@mail.sevsu.ru

Vladimir G. Rotan, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute, Sevastopol State University (SevSU)
ul. Universitetskaya, d. 33, Sevastopol, Russia, 299053
vgrotan@mail.sevsu.ru

Abstract. The paper describes the results of the study of the concept of liability under the civil law of Russia as it is reflected in the current legislation of the Russian Federation. The authors proceed from the fact that such an approach to the study of civil law phenomena, including liability, is constructive, since the phenomena under examination are investigated first in the context of *de lege lata*, and then in the context of *de lege ferenda*. Research in the aspect of *de lege lata* involves identification of the legislator's understanding of the content of the category of liability under civil law that is expressed in the current civil legislation. It is emphasized that the interpretation of liability in the aspect of *de lege lata* can be used in the interpretation and application of current legislation. The understanding of liability expressed in the legislation should be mainly used in the interpretation of the truth before the purely theoretically cognizable essence of responsibility under civil law, and the theoretical essence of responsibility should be taken into account when making amendments and additions to the current legislation. The paper critically assesses the tendency to cumulate liability measures by introducing such new types of liability as fair compensation (Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation) and compensation for damage (Article 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation). The authors criticize the attempts of the judiciary to legalize such a type of liability as compensation for causing reputational damage to legal entities through its own practice (and not through the legislative process). The authors conclude that it is possible to distinguish between liability measures and other civil law methods provided for by the current legislation of the Russian Federation, which does not exclude the need for its further improvement both in terms of the development of general provisions and in relation to the regulation of individual civil liability measures.

Keywords: civil liability; sanction; civil law; civil legislation; losses; harm; damage; compensation.

Cite as: Ochkurenko SV, Rotan VG. Ponyatie i vidy otvetstvennosti v grazhdanskom prave Rossii [The Concept and Types of Liability in Russian Civil Law]. *Lex russica*. 2023;76(8):9-21. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021. (In Russ., abstract in Eng.).

Проблема ответственности по гражданскому праву пользуется вниманием ученых. Законодатель также широко использует термин «ответственность» (в названии гл. 25 Гражданского кодекса и в целом ряде статей, включенных в эту главу, в гл. 59 ГК РФ, в других главах этого кодекса, а также в других законодательных актах). Тем не менее законодательное определение понятия ответственности по гражданскому праву отсутствует. При таких условиях в науке поиск значения термина «ответственность по гражданскому праву» и разработка определения соответствующего понятия ведутся исходя из сущности явления, обозначаемого указанным термином, а законодательные положения используются преимущественно в иллю-

стративных целях. Под эту действительность подводится методологическая база. Даже при университетском изучении дисциплины гражданского права предполагается сосредоточиться на гражданско-правовых категориях и методах оперирования ими, «но безотносительно к содержанию законодательства, а в том виде, как они сконструированы юридической наукой»¹. Представляется целесообразным исследование гражданско-правовой ответственности начинать с законодательства, а затем переходить к поиску сущности соответствующего явления и возможностей ее закрепления в законодательстве через внесение в него изменений, направленных на более полное воплощение в гражданском законодательстве этой сущности.

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Введение в гражданское право. М. : Юрайт, 2011. С. 103.

Поскольку такой подход к исследованию ответственности по гражданскому праву до сих пор не осуществлялся, тема настоящей статьи должна быть признана актуальной.

К исследованию ответственности по гражданскому праву в разное время обращались М. М. Агарков, Б. С. Антимонов, О. С. Иоффе, В. П. Грибанов, Е. А. Флейшиц, О. А. Красавчиков, Г. К. Матвеев, В. А. Тархов, В. А. Хохлов, В. А. Белов и другие ученые.

Целью статьи является разработка научных положений, которые могли бы приблизить понятие ответственности по гражданскому праву к действующему гражданскому законодательству и стать методологической основой для правоприменения.

Каждый ученый, в том числе и ученый-юрист, свободен в выборе предмета и методов исследования. Но ученый-юрист при таком выборе находится в несколько специфическом положении. Он должен четко определить аспекты своего исследования, имея в виду, что в большинстве случаев правовые, в частности гражданско-правовые, явления могут исследоваться в аспектах *de lege lata* или *de lege ferenda*, в историческом, сравнительно-правовом аспекте или комплексно. При этом особенно важно разграничить первые два аспекта. Между тем такая традиция в науке не сложилась.

Докторская диссертация О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву» стала первым в науке советского гражданского права крупным исследованием гражданско-правовой ответственности. И когда уже в начале этой работы О. С. Иоффе как на первый признак такой ответственности указал на то, что «она является санкцией за нарушение гражданских законов»², это воспринималось как серьезная попытка исследовать прежде всего эти самые санкции, установленные действовавшим в то время советским гражданским законодательством, условия применения этих санкций (как общие, так и касающиеся отдельных видов санкций). Такое направление исследования соответствовало бы назначению науки гражданского права и означало бы, что ученый решил сначала через исследование установлен-

ных законодательством санкций определить содержание понятия гражданско-правовой ответственности *de lege lata*, затем исследовать это содержание и, наконец, обосновать пути совершенствования норм гражданского законодательства, устанавливающих ответственность за его нарушение. Но системное исследование санкций, установленных гражданским законодательством, в планы О. С. Иоффе не входило. Он стремился познать сущность исследуемого явления, а потому вслед за мимолетным упоминанием санкции как характеризующей ответственность О. С. Иоффе указывает на то, что в основе ответственности лежит общественное осуждение поведения правонарушителя, а при отсутствии оснований для осуждения — стимулирование его к определенной деятельности в интересах общества³. Возможно, при социализме всё так и было, поскольку вождь сказал, что «мы ничего “частного” не признаем, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»⁴. Но все-таки гражданское право, если искать сущность вещей, — это право частное, а потому благоразумно было бы, если бы общество не спешило осуждать нарушение субъективного частного права, оставив за собой право осуждать правонарушения, имеющие публичное значение. В любом случае указание на то, что ответственность является санкцией, нацеливает на конструктивное исследование проблемы, а признание общественного осуждения правонарушителя признаком гражданско-правовой ответственности никак нельзя оценить как плодотворное. Это, скорее всего, демонстрация лояльности по отношению к официальной, господствовавшей тогда идеологии.

В. А. Хохлов исследовал ответственность за нарушение договора в своей докторской диссертации более чем через 40 лет после О. С. Иоффе⁵. Но традиции советской науки гражданского права продолжают тяготеть над постсоветской наукой. Поэтому В. А. Хохлов, вместо того чтобы усилить намек О. С. Иоффе на нормативный характер гражданско-правовой ответственности, пришел к выводу о том, что нормативный подход не позволяет рас-

² Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 206.

³ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 206–207.

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. Т. 44. С. 398.

⁵ Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договоров : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1998. 349 с.

крыть «сущность самой ответственности»⁶; в центр внимания он ставит норму права и ее структуру, а ответственности отводит служебную роль⁷. Поэтому В. А. Хохлов пишет: «Нормативный подход при всей его привлекательности для выработки универсального понятия юридической ответственности никогда не встречал особой поддержки в цивилистической науке»⁸. Это подтверждает, например, Н. Н. Черногор: «...Многие ключевые вопросы теории ответственности всё более запутываются, особенно в связи с укоренившимся обыкновением в теоретических исследованиях черпать аргументы в действующем законодательстве, которое в настоящее время весьма нестабильно и далеко от совершенства»⁹. Полагаем, что нормативный подход в российской цивилистической науке никогда не господствовал в силу сложившейся и господствующей в настоящее время традиции. Возможно, эта традиция зародилась еще в XIX в., о чем пишет В. А. Белов: «...Истоки образования практически всех русских цивилистов (за самыми незначительными исключениями) находятся (в конечном счете) в германских и австрийских университетских центрах... Естественно, что по возвращении оттуда в родные пенаты новоиспеченные отечественные цивилисты предлагали вниманию своих учащихся не столько институты и конструкции, которые существовали и развивались на русской почве, сколько те, что им преподнесли их германские учителя»¹⁰. И далее: «Из... пособий по гражданскому и торговому праву на материалах собственно русского права написаны, пожалуй, только курсы А. Х. Гольмстена, К. Д. Кавелина, С. В. Пахмана и К. П. Победоносцева. Все остальные учебники и курсы, в том числе Д. И. Мейера и Г. Ф. Шершеневича, освещают не столько действующее русское, сколько современное им германское гражданское право. Ссылки на законы гражданские — едва ли не единственное, что в них есть от русского права»¹¹.

В условиях, когда понятие гражданско-правовой ответственности законодатель не опре-

деляет, оправданной должна быть признана попытка путем анализа содержания соответствующих законодательных положений выяснить, какое же значение придает законодатель термину «ответственность» в Гражданском кодексе и других актах гражданского законодательства. При этом должно быть отвергнуто утверждение В. А. Хохлова о том, что «слово “ответственность” является для русского языка новым, его значение не устоялось и включать его в юридический аспект (*словарь, оборот, обиход*) следует по крайней мере осторожно»¹². Но такое «включение», если говорить о гражданском праве, состоялось при осуществлении рекодификации гражданского законодательства еще в первой половине 60-х гг. прошлого века. После этого юристам-цивилистам осталось только одно: понять законодателя и на основании гражданского законодательства выработать единообразное, пригодное для целей правоприменения понимание этой одной из центральных цивилистических категорий. Так, если в ст. 401 ГК РФ речь идет об основаниях ответственности за нарушение обязательств, то юрист должен дать ответ на вопрос о том, какие же меры применяются при наличии этих оснований, а не рассуждать о том, что значение термина «ответственность» не устоялось. Это не исключает теоретических разработок, направленных на поиски более рационального, чем это отражено в действующем законодательстве, значения термина «ответственность по гражданскому праву». При этом указанные поиски меньше всего должны быть ориентированы на литературное значение слова «ответственность». В свое время Рудольф фон Иеринг по этому поводу писал: «Смысл, в каком наука пользуется словами родного языка, часто будет, да и должен быть по необходимости иным, нежели тот, в каком их понимает жизнь, — уже потому, что значение выражения в жизни нередко меняется, в то время как наука должна остаться при одном значении; так и, наоборот, научное определение понятия не удержит жизни от того, чтобы она поняла дан-

⁶ Хохлов В. А. Указ. соч. С. 12.

⁷ Хохлов В. А. Указ. соч. С. 12.

⁸ Хохлов В. А. Указ. соч. С. 12.

⁹ Черногор Н. Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 105.

¹⁰ Белов В. А. Указ. соч. С. 84.

¹¹ Белов В. А. Указ. соч. С. 84.

¹² Хохлов В. А. Указ. соч. С. 14.

ное выражение в ином смысле. Язык науки и язык жизни часто представляют собой два различных языка»¹³.

Однако выяснение содержания понятия ответственности по гражданскому праву на основании законодательных положений затрудняется вследствие того, что в Гражданском кодексе РФ отсутствует компактный массив положений, посвященных такой ответственности. Есть глава 25, устанавливающая ответственность за нарушение обязательств. Есть и глава 59, в которой закрепляются правовые нормы о возмещении вреда, причиненного личности или имуществу. Из положений этой главы можно сделать вывод о том, что термины «возмещение вреда» и «ответственность» законодатель частично отождествляет. Это подтверждается, в частности, тем, что уже первая статья гл. 59 ГК РФ имеет заголовок «Общие основания ответственности за причинение вреда». Слово «ответственность» употребляется в заглавиях 13 статей, включенных в эту главу. Название самой главы 59 ГК РФ сформулировано как «Обязательства вследствие причинения вреда», в чем мы усматриваем факт отождествления законодателем обязательства (вследствие причинения вреда) и ответственности (за причинение вреда). Но термин «обязательство» непосредственно определяет вид правоотношения, а термин «ответственность» — гражданско-правовой статус обязанного лица (лицо, несущее ответственность за причинение вреда). Рассматриваемое здесь понятие обязательства может употребляться в связке с понятием причинения вреда, указывающим на основание возникновения обязательства, а может употребляться с понятием возмещения вреда, характеризующим содержание обязанности должника в этом обязательстве. Понятия обязательств вследствие причинения вреда и обязательств по возмещению вреда могут рассматриваться как родовое и видовое понятия, поскольку существует два вида обязательств вследствие причинения вреда: обязательства по возмещению имущественного вреда и обязательства по компенсации морального вреда.

Таким образом, Гражданский кодекс содержит две главы, каждая из которых посвящена соответствующему виду ответственности. Кроме того, исходя из того понимания ответственности, которое вытекает из гл. 25 и 59 ГК РФ,

безусловно, следует отнести к ответственности меры, предусмотренные статьями 15 и 16 ГК РФ. Однако «компенсация ущерба», предусмотренная статьей 16.1 ГК РФ, понятием ответственности по гражданскому праву охватываться не может. Этим законодательным положением устанавливается бланкетная правовая норма, не имеющая признака прямого действия. К тому же она устанавливает неведомую российскому гражданскому законодательству правовую конструкцию «ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица». Если термин «ущерб имуществу...» еще можно было бы удовлетворительно истолковать, используя то понимание этого термина, которое вытекает из ст. 796 ГК РФ, то «ущерб личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица» вообще не поддается удовлетворительной интерпретации. Даже и гораздо более простой для интерпретации термин «вред личности или имуществу гражданина или имуществу юридического лица» вызывает вопрос о том, что же такое «вред личности», поскольку это может означать и «моральный вред», и «имущественный вред, возникший вследствие повреждения здоровья или причинения смерти».

Очевидно, нет никакой необходимости и оснований распространять понятие ответственности по гражданскому праву на явления, о которых идет речь в ст. 16.1 ГК РФ. Это же касается и возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, в случаях, предусмотренных пунктом 3 ст. 1064 ГК РФ. В последнем случае сомнения возникают в связи с тем, что соответствующее законодательное положение размещено в статье, имеющей заглавие «Общие основания ответственности за причинение вреда». В научной литературе высказано мнение о том, что заголовок статьи, «как известно, не имеет никакого правового значения»¹⁴. Однако в законе, по нашему мнению, всё имеет правовое значение — и слова, и запятые, и тире, и многоточия, и точки. Поэтому правовое значение заголовков статей надо осмысливать. Представляется, что заголовки статей в случае их коллизии с текстами статей конкуренции не выдерживают в силу правила «*Lex specialis derogat generali*». Заголовок экстрагируется из содержания статьи. Поэтому сфера его действия всегда шире сферы действия норм, установ-

¹³ Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. Т. 2. С. 337.

¹⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М. : Статут, 1997. 682 с.

ленных соответствующей статьей. Кроме того, заголовок статьи уступает ее тексту при правоприменении, поскольку заголовок в первую очередь является средством рубрикации, хотя и не лишенным полностью значения правового регулятора. В рассматриваемом случае сама по себе рубрикация не может быть признана достаточной для того, чтобы признать меры, предусмотренные пунктом 3 ст. 1064 ГК РФ, мерами гражданско-правовой ответственности. Суть вопроса заключается в том, что термин «ответственность» в актах гражданского законодательства всегда связывается с правонарушением. Даже когда речь идет об ответственности поручителя (ст. 363 ГК РФ), то это, как мы полагаем, не дань традиции, как утверждает В. В. Витрянский¹⁵, а следствие неисполнения обязанности, хотя бы и не поручителем, а основным должником. То же самое касается и субсидиарной ответственности (ст. 399 ГК РФ). Нет никакой необходимости отходить от такого понимания ответственности ради положения п. 3 ст. 1064 ГК РФ и признания регулятивного значения заголовков статей (в данном случае ст. 1064 ГК РФ). Единичные случаи необходимости применения вместе с этим положением, например, ст. 381 или 383 ГК РФ вполне удовлетворительно разрешаются при помощи аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

В то же время нельзя полностью отрицать регулятивное значение заглавий статей, параграфов, глав, разделов, частей и других структурных подразделений законодательных и иных правовых актов. Эту проблему следует исследовать. В частности, важно обратить внимание на одну закономерность: юридическое значение заголовков структурных подразделений нормативных правовых актов уменьшается по мере укрупнения этих подразделений. И когда по ступеням такого подразделения мы поднимаемся до уровня кодекса, то под соответствующим его названием мы часто, а иногда — очень часто, встречаем правовые нормы совсем иной отраслевой принадлежности.

Изложенное оправдывает поиск содержания понятия ответственности по гражданскому праву прежде всего в гл. 25 ГК РФ, имеющей заглавие «Ответственность за нарушение обя-

зательств». При этом следует учитывать, что ее положения распространяются не только на отношения, возникающие вследствие нарушения обязательств, но и на отношения, регулируемые главой 59 ГК РФ (п. 2 ст. 307.1 ГК РФ), а также на корпоративные отношения и на отношения, связанные с применением последствий недействительности сделок (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ). Пункт 2 ст. 1233 ГК РФ предусматривает применение общих положений об обязательствах, в том числе и положений об ответственности, также и к отношениям по поводу распоряжения интеллектуальными правами. В связи с изложенным представляются безосновательными сомнения в возможности применения п. 1 ст. 401 ГК РФ к обязательствам вследствие причинения вреда¹⁶. Следует при этом лишь соизмерять действия лица не с «характером обязательства и условиями оборота», а с характером существующих правоотношений (в том числе абсолютных) и фактических отношений, с принятием всех мер не для «надлежащего исполнения обязательства», а для недопущения нарушения прав потенциального потерпевшего.

Безусловно, основным видом гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков. Как вид гражданско-правовой ответственности оно может применяться и за нарушение обязательств, и в порядке возмещения вреда (ст. 1082 ГК РФ). При возмещении убытков в порядке возмещения вреда возможно применение ст. 393 ГК РФ, посвященной убыткам, в силу указания на это в п. 2 ст. 307.1 ГК РФ. Статья 393 ГК РФ может применяться к корпоративным отношениям и к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделок (п. 3 ст. 397.1 ГК РФ), а также к отношениям по поводу распоряжения исключительными правами. Таким образом, реальная сфера действия ст. 393 ГК РФ является гораздо более широкой, чем это вытекает из ее содержания, и поэтому вызывает серьезные сомнения утверждение о том, что за рамками договорного права она должна применяться в порядке аналогии права¹⁷.

Применение ст. 393 ГК РФ к корпоративным отношениям — это относительно новое явление. Поэтому установленные на этот счет

¹⁵ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 464.

¹⁶ См.: Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2020. С. 1062.

¹⁷ См.: Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 520.

конкретные правовые нормы не всегда согласуются с общими правилами о возмещении убытков. Так, «участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли» (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ). Само появление термина «справедливая компенсация, определяемая судом» связано со ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁸. Поэтому на первый взгляд может показаться, что имплементация правовой конструкции справедливой компенсации находится в русле интеграции российского права в европейское правовое пространство. На самом деле это не так. Конвенция о защите прав человека и основных свобод нацелена не на подмену национальных средств защиты прав человека и основных свобод, а создает, как и деятельность Европейского Суда по правам человека, субсидиарные средства такой защиты. Поэтому и справедливую компенсацию статьи 41 указанной Конвенции предусматривает при наличии трех условий: 1) имеет место нарушение Конвенции или протоколов к ней; 2) внутреннее право допускает возможность лишь частичного устранения последствий такого нарушения; 3) в случае необходимости. Поскольку справедливая компенсация присуждается за нарушение Конвенции, положения которой носят наиболее общий (неконкретизированный) характер, порядок определения размера компенсации Конвенцией не определяется, а только указывается на то, что эта компенсация должна быть справедливой. В отличие от этого ГК РФ содержит достаточно подробные положения, касающиеся возмещения убытков. Эти положения дополняются вырабатываемыми

судами правовыми позициями, имеющими в соответствующих случаях обязательное значение. Ответственность в виде возмещения убытков за нарушение корпоративных прав можно было бы дополнить правилом о компенсации морального вреда, поскольку его компенсация в случаях, когда речь не идет о нарушении личных неимущественных прав или о посягательстве на принадлежащие гражданину нематериальные блага, допускается, если это предусмотрено законом (ч. 1 ст. 151 ГК РФ). Вместо этого законодатель пошел по пути заимствования правовой конструкции справедливой компенсации, что само по себе уже является сомнительным, если не неприемлемым вообще. Во-первых, даже применительно ко взысканию убытков, являющемуся привычным предъявляемым в судах требованием, констатируется, что «сформировалась процессуальная основа, пока отвергающая распространение и совершенствование такого важного регулирующего инструмента, как возмещение убытков»¹⁹. Во-вторых, признается, что в практике Европейского Суда по правам человека, применяющего ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, до сих пор идет поиск разумного толкования этой статьи. А. С. Исполинов и М. А. Сидоренко отмечают, что «ЕСПЧ в последнее время отказался от понимания справедливой компенсации как скромного денежного возмещения и признал приоритет принципа *restitutio in interim*, означающего, что заявитель должен быть по возможности возвращен в положение, в котором он бы находился при отсутствии нарушений его права... что предполагает компенсацию за реальный ущерб и упущенную выгоду»²⁰. Наряду с этим, отмечается отсутствие последовательности ЕСПЧ в отношении признания карательной функции справедливой компенсации: отрицание такой функции сопровождается ее фактическим признанием в решениях по отдельным делам²¹.

¹⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁹ Монастырский Ю. Э. Институт убытков в гражданском праве России. Профессиональные факторы эффективного применения. М.: Прометей, 2018. С. 57.

²⁰ Исполинов А. С., Сидоренко М. А. Вопросы возмещения ущерба в Европейском Суде по правам человека: присуждение справедливой компенсации и заключение мировых соглашений // Закон. 2019. № 6. С. 93–104.

²¹ См.: Сидоренко М. А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) // Власть закона. 2018. № 2. С. 210–225; Кузнецов Д. А. Функции компенсации за нарушение прав человека в наднациональных и национальных судебных решениях // Международное правосудие. 2021. № 1. С. 81–101.

При изложенных условиях следовало бы в большей мере разобраться в соотношении нового вида ответственности (справедливой компенсации) с другими видами гражданско-правовой ответственности (возмещением убытков, возмещением вреда, компенсацией морального вреда, компенсацией репутационного вреда, причиненного юридическим лицам), а затем уже решать вопрос об имплементации в национальное законодательство правовой конструкции справедливой компенсации. Во всяком случае, при формулировании п. 3 ст. 65.2 ГК на первое место надо было поставить возмещение убытков как гораздо более определенное, по сравнению со справедливой компенсацией, понятие, а уж затем указать и на возможность справедливой компенсации, размер которой определяется судом в зависимости от конкретных обстоятельств и которая имеет лишь один критерий — справедливость. Вместо этого далее законодатель вообще решил отказаться от возмещения убытков, оставив лишь ответственность в виде справедливой компенсации: «Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли право участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом» (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ). Учитывая неопределенность критерия справедливости, конечно, не следовало бы и в этом случае отказываться от ответственности в виде возмещения убытков. Хотя более приемлемым было бы вообще воздержаться от имплементации в национальное гражданское законодательство ответственности в виде справедливой компенсации.

Как новый и отдельный вид гражданско-правовой ответственности должна быть квалифицирована компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок, установленная Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»²². Хотя размер такой компенсации определяется с учетом значимости последствий нарушения для заявителя (ч. 2

ст. 2), она признается, по существу, отдельным видом гражданско-правовой ответственности, поскольку не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069 и 1070 ГК РФ (ч. 4 ст. 1 указанного Федерального закона), однако исключает компенсацию морального вреда за то же нарушение.

Возмещение убытков, причиненных обеспечением иска, — это разновидность ответственности за причинение вреда, хотя такое возмещение предусмотрено не Гражданским кодексом, а процессуальными кодексами (ст. 146 ГПК РФ; ст. 98 АПК РФ): установление норм материального права процессуальными кодексами должно быть признано естественным, как и установление ГК РФ норм процессуального права (например, о распределении бремени доказывания вины). В статье 98 АПК РФ прямо указывается на то, что убытки возмещаются «в порядке и размере, которые предусмотрены гражданским законодательством». Что касается указания на убытки (а не на вред), то это следует интерпретировать не как определение институциональной принадлежности соответствующих правовых норм, а как конкретизацию ст. 1082 ГК РФ, имея в виду, что эта статья предусматривает возможность возмещения вреда и в натуре, и путем возмещения убытков, а вред, причиненный обеспечением иска, вряд ли мыслимо возместить в натуре. Выплата компенсации, предусмотренной статьей 98 АПК РФ, является альтернативой возмещению убытков.

Возложение на истца обязанности возместить убытки в рассматриваемом случае, если речь вести в правоприменительном аспекте этого вопроса, вполне согласуется с п. 2 ст. 1070 ГК РФ, допускающим возмещение вреда, причиненного при осуществлении правосудия, только при наличии вины судьи, установленной приговором суда, вступившим в законную силу. Но совершенно очевидно, что в подобных случаях вред находится в причинной связи с действиями как истца, так и судьи. Уместно также поставить и вопрос о том, что вред при этом чаще всего обусловлен и недостаточной определенностью законодательства: в противном случае истец при отсутствии перспективы удовлетворении иска не обращался бы с ним в суд. В таких условиях законодатель из всех субъектов, с действиями которых вред находится в причинно-следственной связи, выби-

²² СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

рает одного и «назначает» его ответственным за вред. С социально-нравственной позиции это неприемлемо, не говоря уже о том, что такой вариант правового регулирования не вполне соответствует ст. 2 Конституции РФ.

Но законодатель идет далее. При формулировании ст. 98 АПК РФ он использовал ранее опробованный опыт установления обязанности выплаты компенсации вместо возмещения убытков при нарушении авторских и смежных прав (ст. 49 ранее действовавшего Закона РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»²³). Но в этом случае, как правило, нет других лиц, действия которых находятся в причинной связи с причиненными убытками, а в случаях, предусмотренных статьей 98 АПК РФ, такие субъекты есть. В ситуациях, на которые распространяется действие ст. 98 АПК РФ, вряд ли была необходимость установления такой льготной для потерпевшего меры защиты: если она необходима (с точки зрения законодателя) в этих случаях, то компенсацию такого рода следует предусмотреть как альтернативу возмещению вреда и во всех остальных случаях. Единственное, чем статья 98 АПК РФ отличается в положительную сторону от ст. 1301 ГК РФ, предусматривающей компенсацию за нарушение исключительного права на произведение, — это отсутствие указания на право суда на собственное усмотрение при определении размера компенсации в связи с обеспечением иска. Суд — это не правотворческий, а правоприменительный орган. Поэтому право на усмотрение для него будет противозаконным, а при отсутствии необходимой правовой нормы суд должен руководствоваться статьей 6 ГК РФ. Попутно заметим, что при нарушении исключительного права на произведение автор или иной правообладатель вправе потребовать компенсации (по своему выбору) в двукратном размере стоимости конкретных экземпляров произведения или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование про-

изведения тем способом, который использовал нарушитель (пп. 2, 3 ст. 1301 ГК РФ).

Ответственность в виде компенсации морального вреда стала привычной для российского гражданского права. Но сфера применения этого вида ответственности остается неопределенной. Речь идет о том, что часть 1 ст. 151 ГК РФ предусматривает компенсацию морального вреда, только когда он причинен нарушением личных неимущественных прав гражданина или посягательством на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Во всех иных случаях моральный вред может быть компенсирован лишь при условии, что это предусмотрено специальным законом. Такие случаи предусмотрены, в частности, статьей 15 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»²⁴. Однако с учетом практики Европейского Суда по правам человека стали расширительно толковаться положения гражданского законодательства, которые предусматривали компенсацию морального вреда (особенно если он был причинен гражданам государственными органами и должностными лицами). Дошло дело и до признания не предусмотренного российским гражданским законодательством права юридических лиц на компенсацию «репутационного» (нематериального) вреда. Резкая критика этой тенденции в развитии российской судебной практики со стороны С. В. Третьякова²⁵ вряд ли может быть признана обоснованной. А констатация А. М. Эрделевским наличия мнения о том, что «взыскание компенсации нематериального вреда организациям в практике ЕСПЧ — компетенция исключительно ЕСПЧ налагать денежное взыскание на должника-ответчика»²⁶, не выглядит убедительной: государства — участники Конвенции о защите прав человека и основных свобод признали юрисдикцию Европейского Суда по правам человека, но судьи этих государств вроде бы и не должны стремиться к тому, чтобы признать практику этого Суда и избегать наложения на государство, органами которого они являются, упомянутых взысканий. Конечно, лучше, если бы на прак-

²³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1242.

²⁴ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

²⁵ Третьяков С. В. О докторской диссертации В. Л. Толстых // Вестник гражданского права. 2008. Т. 8. № 1. С. 251.

²⁶ Эрделевский А. О подходе Конституционного Суда РФ к защите деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. 2005. № 4. С. 114.

тику ЕСПЧ откликнулся законодатель и внес соответствующие изменения и дополнения в ГК РФ. Но в условиях, когда законодатель этого не сделал, суды не должны были сознательно идти на принятие судебных решений, противоречащих практике ЕСПЧ, понимая при этом, что ЕСПЧ возложит на государство обязанность выплатить юридическому лицу компенсацию за причиненный «репутационный» вред. Наука должна помогать разрешать конфликты, а не генерировать их.

Ситуация изменилась (уже после того, как были опубликованы научные статьи, которые выше цитировались), когда Россия в соответствии с резолюцией ЕСПЧ от 22.03.2022 перестала быть участницей Конвенции о защите прав человека и основных свобод (с 16 сентября 2022 г.). С того же дня на Россию не распространяется юрисдикция Европейского Суда по правам человека. Прецедентная практика также перестала быть обязательной для России. Но эта практика частично была отражена в российской судебной практике, которая, по существу, была признана юридически обязательной (п. 4 ч. 4 ст. 180, п. 3 ч. 3 ст. 310, п. 2 ст. 328, ст. 341 КАС РФ; п. 2 ст. 3, ст. 387, 391.9 ГПК РФ с учетом применения по аналогии п. 4 ч. 4 ст. 180 и п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ; абз. 5 п. 3 ч. 3 ст. 170, п. 3 ч. 2 ст. 270, п. 3 ч. 2 ст. 288, ч. 1 ст. 291.11, ст. 308.8 АПК РФ с учетом применения по аналогии п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ). Обязательность этой практики имеет и процессуально-правовое, и материально-правовое содержание. Поэтому Е. В. Гаврилов обоснованно ссылается в подтверждение права юридического лица на справедливую компенсацию в случаях причинения вреда его деловой репутации на Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда 16.02.2017²⁷ (поскольку такие обзоры признаются законом обязательными). Но его параллельная ссылка на определение коллегий по экономическим спорам Верховного Суда от 18.11.2016 № 307-ЭС16-8923 не вполне корректна²⁸, поскольку судебные акты

коллегий Верховного Суда приобретают обязательное нормативное значение только при их включении в упомянутые обзоры.

Таким образом, к настоящему времени, несмотря на утрату Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и практикой ЕСПЧ обязательности для России, выплата (взыскание) компенсации за причинение вреда деловой репутации юридическим лицам сохраняет материально-правовое основание, каковым является упомянутый выше Обзор и перечисленные выше положения процессуальных кодексов, в которых логически закреплены правовые нормы, придающие обязательное (нормативное) значение правовым позициям, сформулированным в названных обзорах, и дающие юридическим лицам право на компенсацию причиненного им репутационного вреда. Можно вести дискуссию с законодателем *de lege ferenda*, но *de lege lata* нельзя отрицать ни логическое закрепление в перечисленных выше положениях процессуальных кодексов материально-правовых норм, признающих источниками гражданского права соответствующие правовые позиции, вырабатываемые судами, ни материально(гражданско)-правовое содержание этих правовых позиций. Однако в науке гражданского права нет готовности признать существование логически закрепленных правовых норм, которые при толковании обнаруживаются при помощи вывода от следствия (обязанность судов следовать соответствующим выработанным судами правовым позициям) к условию (наличие в таких правовых позициях гражданско-правового содержания). Так обозначал рассматриваемый вывод Е. В. Васьковский²⁹. Группа современных авторов обозначает такой вывод как вывод от последующего правового явления к предыдущему³⁰. Применительно к теме настоящей статьи важно заметить, что законодатель не должен был закреплять особо жесткие правовые нормы (такowymi являются нормы об ответственности за причиненный вред, как и любые нормы гражданско-правовой ответственности) таким

²⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1, 2, 3.

²⁸ Гаврилов Е. В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о компенсации вреда, не поддающегося полному денежному исчислению, причиненного умалением деловой репутации организации // Российская юстиция 2017. № 6. С. 64–67.

²⁹ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 302–305.

³⁰ Новейшее учение о толковании права : (по материалам гражданского и других отраслей права) : монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова. Симферополь, 2019. С. 228–286.

способом, который юридической наукой не освоен. Поэтому необходимо текстуальное закрепление в Гражданском кодексе и правовой нормы о гражданско-правовой ответственности за причиненный юридическому лицу репутационный вред, и правовой нормы, которая будет признавать соответствующие выработанные судами правовые позиции источниками гражданского права. Авторы статьи не настаивают на обязательном текстуальном закреплении в ГК РФ нормы об ответственности за причинение репутационного вреда юридическим лицам, но если уж она де-факто легализована, то лучше это сделать в более понятной для правоприменителя правовой форме.

Вопрос о возможности квалификации неустойки как вида ответственности вряд ли имеет практическое значение. Но теоретически ее все-таки следует признать видом гражданско-правовой ответственности, поскольку неустойку признает видом ответственности законодатель (ст. 795 ГК РФ, транспортные уставы). А главное заключается в том, что неустойка является мерой ответственности по своей сущности. Неустойка «обеспечивает» исполнение обязательства так же, как и любая мера гражданско-правовой ответственности, — угрозой имущественных потерь. Но меры ответственности вследствие угрозы (психологического воздействия на должника) мерами обеспечения исполнения обязательств не называют, а неустойку — называют, хотя обеспечительная функция неустойки, как и любой ответственности по гражданскому праву, сводится к угрозе имущественных потерь.

Задаток имеет выраженное обеспечительное значение и к тому же признается законом одним из способов обеспечения исполнения обязательств. Но мерой ответственности законодатель задаток не признает. Законодатель лишь устанавливает, что соответствующие связанные с задатком последствия наступают, если за неисполнение договора «ответственна» та или другая сторона. Этого недостаточно для того, чтобы *de lege lata* признать задаток охватываемым понятием ответственности за нарушение обязательств.

Проценты за неисполнение денежных обязательств должны быть, безусловно, признаны видом ответственности за нарушение обязательств. Такое утверждение основывается на

заголовке ст. 395 ГК РФ, а также на том обстоятельстве, что проценты как правовая конструкция соответствуют сущности ответственности, которая вытекает из закона и заключается в возложении на лицо дополнительного обременения за допущенное правонарушение.

Относительно мер защиты, предоставляемых соответствующему кредитору в связи с недоброкачественностью проданного товара (ст. 475 ГК РФ), недостатками сданного в аренду имущества (ст. 612 ГК РФ), ненадлежащим качеством работ (ст. 723 ГК РФ), высказано мнение о том, что эти меры не охватываются категорией ответственности³¹. Если исходить из экономической сущности вещей, то признание перечисленных мер ответственностью действительно является некорректным. Но законодатель меры, предусмотренные статьей 723 ГК РФ, признает ответственностью в заголовке указанной статьи. Меры, предусмотренные статьей 475 ГК РФ, признаются мерами ответственности в п. 5 ст. 723, ст. 476 ГК РФ. Лишь статья 612 ГК РФ не дает оснований для квалификации как ответственности предусмотренных ее мер.

В 2015 г. глава 25 ГК РФ была дополнена статьей 406.1, регулирующей отношения по поводу возмещения потерь. Включение этой статьи в главу, имеющую название «Ответственность за нарушение обязательств» является весомым доводом в пользу признания возмещения потерь видом ответственности. Этому доводу, однако, можно противопоставить то понимание ответственности, которое сложилось в гражданском законодательстве задолго до появления в Гражданском кодексе правовой конструкции возмещения потерь. Введение в гражданское законодательство правовой конструкции возмещения потерь, а также размещение статьи 406.1 ГК РФ, посвященной возмещению потерь, в гл. 25 ГК РФ, имеющей название «Ответственность за нарушение обязательств», не могло опровергнуть сложившегося ранее понимания законодателем термина «ответственность за нарушение обязательств». Поэтому следует признать, что правовая конструкция возмещения потерь понятием ответственности за нарушение обязательств не охватывается.

Действующие положения ГК РФ не дают основания квалифицировать как ответственность расторжение договора одной из сторон в связи с его нарушением другой стороной. Вопрос о

³¹ Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. С. 702.

признании такой меры видом ответственности может ставиться и обсуждаться только в аспекте de lege ferenda.

Таким образом, действующее гражданское законодательство Российской Федерации содержит достаточно противоречивые нормы об отдельных видах гражданско-правовой ответственности и не предусматривает общих положений, формулирующих понятие и разграничивающих меры ответственности и другие способы гражданско-правового воздействия. Вместе с тем детальный анализ положений гражданского законодательства позволяет

произвести такое разграничение и выработать научные рекомендации, способствующие единообразному правоприменению. Однако сказанное не исключает необходимости дальнейшего совершенствования законодательных положений, регулирующих отношения ответственности в гражданском праве.

При этом в настоящей статье вопрос о понятии гражданско-правовой ответственности рассмотрен в аспекте de lege lata. Рассмотрение этого вопроса в аспекте de lege ferenda должно стать предметом последующих научных поисков авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Введение в гражданское право. — М. : Юрайт, 2011. — 521 с.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — М. : Статут, 1997. — 682 с.
3. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. — 508 с.
4. Гаврилов Е. В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о компенсации вреда, не поддающегося полному денежному исчислению, причиненного умалением деловой репутации организации // Российская юстиция — 2017. — № 6. — С. 64–67.
5. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 : Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2019. — 576 с.
6. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2017. — 1120 с.
7. Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 547 с.
8. Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 574 с.
9. Исполинов А. С., Сидоренко М. А. Вопросы возмещения ущерба в Европейском Суде по правам человека : присуждение справедливой компенсации и заключение мировых соглашений // Закон. — 2019. — № 6. — С. 93–104.
10. Кузнецов Д. А. Функции компенсации за нарушение прав человека в наднациональных и национальных судебных решениях // Международное правосудие. — 2021. — № 1. — С. 81–101.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. — Изд. 5-е. — М. : Изд-во политической литературы, 1970. — 725 с.
12. Монастырский Ю. Э. Институт убытков в гражданском праве России. Профессиональные факторы эффективного применения. — М. : Прометей, 2018. — 182 с.
13. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права) : монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова. — Симферополь, 2019. — 792 с.
14. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2020. — 1104 с.
15. Сидоренко М. А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) // Власть закона. — 2018. — № 2. — С. 210–225.
16. Третьяков С. В. О докторской диссертации В. Л. Толстых // Вестник гражданского права. — 2008. — Т. 8. — № 1. — С. 243–264.
17. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договоров : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1998. — 349 с.
18. Черногор Н. Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 105–109.
19. Эрделевский А. О подходе Конституционного Суда РФ к защите деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. — 2005. — № 4. — С. 111–116.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Belov VA. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast. Vvedenie v grazhdanskoe pravo [Civil law. The general part. Introduction to Civil Law]. Moscow: Yurayt Publ.; 2011. (In Russ.).
2. Braginsky MI, Vitryansky VV. Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya [Contract law. General provisions]. Moscow: Statut Publ.; 1997. (In Russ.).
3. Vaskovsky EV. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov [Civilistic methodology. The doctrine of the interpretation and application of civil laws]. Moscow: Tsentr YurInfoR Publ.; 2002. (In Russ.).
4. Gavrilov EV. Pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka o kompensatsii vreda, ne poddayushchegosya polnomu denezhnomu ischisleniyu, prichinennogo umaleniem delovoy reputatsii organizatsii [The Legal Positions of the European Court of Human Rights on Compensation for the Damage, not Susceptible to Precise Monetary Calculation, Caused by Belittling of Business Reputation of the Organizations]. *Rossiyskaya justitsiya*. 2017;6:64-67. (In Russ.).
5. Sukhanov EA (ed.). Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. T. 1: Obshchaya chast [Civil Law: Textbook in 4 vols. General Part]. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
6. Karapetov AG (ed.). Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast): postateynny kommentariy k statyam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract and Obligation law (general part): Article-by-article commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
7. Iering R. Izbrannye trudy: v 2 t. [Selected works: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2006. (In Russ.).
8. Ioffe OS. Izbrannye trudy: v 4 t. T. 1: Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost po sovetskomu grazhdanskomu pravu. [Selected works: in 4 vols. Vol. 1: Legal relations under Soviet Civil law. Responsibility under Soviet civil law]. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2003. (In Russ.).
9. Ispolinov AS, Sidorenko MA. Voprosy vozmeshcheniya ushcherba v Evropeyskom Sude po pravam cheloveka: prisuzhdenie spravedlivoy kompensatsii i zaklyuchenie mirovykh soglasheniy [Issues of Reparation in the European Court of Human Rights: Award of Just Compensation and Conclusion of Friendly Settlements]. *Zakon*. 2019;6:93-104. (In Russ.).
10. Kuznetsov DA. Funktsii kompensatsii za narushenie prav cheloveka v nadnatsionalnykh i natsionalnykh sudebnykh resheniyakh [Functions of compensation for human rights violations in supranational and national judicial decisions]. *International Justice*. 2021;1:81-101. (In Russ.).
11. Lenin VI. Polnoe sobranie sochineniy [The complete works]. Vol. 44. 5th ed. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. (In Russ.).
12. Monastyrsky YuE. Institut ubytkov v grazhdanskom prave Rossii. Professionalnye faktory effektivnogo primeneniya [Institute of Damages in the civil law of Russia. Professional factors of effective application]. Moscow: Promethei Publ.; 2018. (In Russ.).
13. Rotan VG, Sonin OE, Chertkova YuV. Noveyshee uchenie o tolkovanii prava (po materialam grazhdanskogo i drugikh otrasley prava): monografiya [The latest teaching on the interpretation of law (based on the civil and other branches of law): monograph]. Simferopol; 2019. (In Russ.).
14. Karapetov AG (ed.). Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynny kommentariy k statyam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The main provisions of civil law: an article-by-article commentary on Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).
15. Sidorenko MA. O prisuzhdenii spravedlivoy kompensatsii (iz praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka) [On the award of fair compensation (from the practice of the European Court of Human Rights)]. *The Rule of Law*. 2018;2:210-225. (In Russ.).
16. Tretyakov SV. O doktorskoy dissertatsii V. L. Tolstykh [About V.L. Tolstykh Doctoral Dissertation]. *Civil Law Review*. 2008;8(1):243-264. (In Russ.).
17. Khokhlov VA. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost za narushenie dogovorov: dis. ... d-ra yurid. nauk. [Civil liability for breach of contracts: Doctoral Dissertation]. Saratov; 1998. (In Russ.).
18. Chernogor NN. O teoreticheskikh problemakh yuridicheskoy otvetstvennosti [On theoretical problems of legal responsibility]. *Journal of Russian Law*. 2006;5:105-109. (In Russ.).
19. Erdelevsky A. O podkhode Konstitutsionnogo Suda RF k zashchite delovoy reputatsii yuridicheskikh lits [On the approach of the Constitutional Court of the Russian Federation to the protection of the business reputation of legal entities]. *Business and Law*. 2005;4:111-116. (In Russ.).